

Томаш Зарицкий

Польская интеллигенция после коммунизма: изменчивость и преемственность

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС № 97 (5/2014)

**ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕФОРМЫ: ПРОБЛЕМАТИЧНАЯ ПЕРЕХОДНОСТЬ
ТРАНЗИТА**

На первый взгляд история польской интеллигенции состоит из сплошных разрывов. В этом отношении ее нарратив весьма напоминает путь русской интеллигенции. В книге Маши Гессен «Снова мертвы: русская интеллигенция после коммунизма» такое видение представлено наиболее емко[2]. Впрочем, кто-то может сказать, что «умирание» или «уход со сцены»[3] представляют собой, как ни парадоксально, один из ключевых дискурсивных механизмов самовоспроизводства интеллигенции. Каждое новое поколение интеллектуалов заявляет о гибели интеллигенции и ее этоса, объявляя предыдущее, старшее поколение последним, оставляющим мир без законных наследников. Симптоматичным, однако, представляется то, что все эти предполагаемые кончины интеллигенции обсуждаются на протяжении уже нескольких столетий. Иначе говоря, интеллигенция, исчезнувшая, как предполагалось, много лет назад, с каждым новым поколением ее могильщиков оказывается живой и невредимой. По моему мнению, этот похоронный дискурс можно рассматривать как одну из основных форм легитимации сохраняющегося привилегированного положения интеллигентской элиты или по крайней мере ее интеллектуального ядра. Превознося и восхваляя выдающихся интеллигентов прошлого, объявляя их незаменимыми и несравненными, люди, возвещающие смерть интеллигенции, становятся законными преемниками ее предыдущих поколений. В своих мемуарах и некрологах, посвященных титанам прежней, «истинной» интеллигенции, они неустанно демонстрируют собственное уважение к интеллигентскому дискурсу и интеллигентским ценностям.

Преждевременные похороны

Как представляется, именно это происходит в Польше на протяжении последних десятилетий. Польская история полна зигзагов и разломов, радикально менявших устройство польского общества. В такие моменты многие заявляли о «смерти» или радикальном кризисе интеллигенции. Именно такие процессы сопровождали завершение Первой мировой войны и установление в 1918 году так называемой Второй республики, которое фактически можно рассматривать как величайший успех польской интеллигенции, момент утверждения ее власти и победы над

соперничающими элитными фракциями в лице буржуазии и землевладельцев. Вторая мировая война до сегодняшнего дня рассматривается многими интеллигентами, в особенности придерживающимися консервативных взглядов, как веха величайшего поражения или даже окончательного исчезновения «подлинной» польской интеллигенции[4]. Такие интеллектуалы видят в Катынской бойне символическое событие, отмечающее физическое истребление цвета национальной интеллигенции в годы войны. Наконец, кто-то склонен подчеркивать страдания интеллигенции при коммунистическом режиме. Как бы то ни было, этот предположительно мертвый или по крайней мере вымирающий класс или слой, от которого и так почти ничего не осталось, вдруг вновь начал умирать после краха коммунизма.

С начала 1990-х годов в интеллектуальных и академических кругах постоянно велись дебаты и обсуждались тексты, в которых говорилось о кризисе и конце интеллигенции. Зачастую она изображалась продуктом коммунистической системы, аномалией, несовместимой с современным капиталистическим обществом, в которое Польша, предположительно, должна была вскоре превратиться. По мнению некоторых авторов, интеллигенции предстояло постепенно преобразовать себя в современный средний класс; это должно было произойти в ходе процесса, который порой называли «конвергенцией»[5]. Капитализм, как утверждалось, обесценил культурное достояние интеллигенции, включая ее этос и идеи, сделавшиеся устаревшими и не совместимыми с вызовами демократического общества и рыночной экономики. Интеллигентский дискурс, в центре которого издавна находились абстрактные проблемы культуры, идея самопожертвования, возвышенность мыслей, хорошие манеры, образованность и уважение к традиции, был якобы обречен на исчезновение в процессе вестернизации.

Действительно, можно согласиться с тем, что во многих своих традиционных формах интеллигентские ценности и интеллигентский этос растеряли былой престиж. Глобализация и европейская интеграция повлекли за собой коммерциализацию, маркетизацию и монетизацию многих сфер социальной жизни, включая СМИ и политику. Повсеместно распространилась низкопробная поп-культура, а символы материального благополучия дискредитировали интеллигентские ценности. В мире польской политики, например, интеллигенты почти не появлялись, особенно после падения переходного правительства Тадеуша Мазовецкого, который в 1989–1990 годах провел ключевые политические и экономические реформы. Все сферы общественной жизни, включая науку и культуру, где интеллигенция традиционно царствовала, переживали постепенную, а иногда и резкую, приватизацию и монетизацию. Многие представители интеллигенции стали более чутко прислушиваться к требованиям рынка; кое-кто из них пополнял ряды деловой элиты, занимал позиции менеджеров, высокопоставленных

чиновников или консультантов. Это позволило им дистанцироваться от бывших коллег, многие из которых, будучи менее удачливыми, оставались в относительной бедности.

Одновременно посткоммунистический период принес новые политические размежевания. Интеллигенция, которую некогда объединял антикоммунизм, теперь раскололась на проевропейски настроенных либералов и консервативно ориентированных евроскептиков. Полюса напряженности, возникшие в культуре, экономике и политике, разрушали, как могло показаться, старую интеллигенцию, положив конец ее легендарному единству и руководящей роли, благодаря которым Польша, как принято считать, ниспровергла коммунизм. Этот список доказательств, подтверждающих тезис о недавней и окончательной смерти интеллигенции, можно продолжать. Многие поляки не сомневаются в их убедительности, искренне считая, что интеллигенция уже исчезла или вот-вот исчезнет. Лично я, однако, не разделяю эту точку зрения. Не отрицая того факта, что интеллигенция, в особенности в ее традиционных формах, переживает кризис, я считаю этот процесс не столько смертельным недугом, сколько еще одной фазой адаптации к новому контексту. Ниже приводятся аргументы в защиту такой позиции.

«Политический капитализм» и интеллигенция

Я начну с исторического наблюдения. Рассмотрение интеллигенции в исторической перспективе убеждает в том, что она была не столько «аномалией» коммунистического периода, сколько восточноевропейским эквивалентом западноевропейской буржуазии. До 1917 года ее главными оппонентами были, с одной стороны, землевладельцы и аристократы, а с другой стороны, управленческая элита самодержавного государства, в частности, Российской империи. Когда старые империи рухнули, польская интеллигенция оказалась правящей или по крайней мере доминирующей стратой новорожденной Второй республики, стремившейся следовать модели современного *nation-state*. Русскую интеллигенцию в каком-то смысле тоже можно считать слоем, победившим в ходе революции, хотя новое советское государство было в итоге захвачено относительно узкой группой радикально левых интеллигентов, которая вскоре уничтожила, зачастую физически, большую часть конкурентов как из интеллигентской среды, так и из прочих социальных сред. Довольно скоро правящая группа Советского Союза трансформировала себя в институциональную государственную элиту, известную под названием «номенклатуры». Одновременно в межвоенной Польше широкие слои интеллигенции укрепили свой социальный статус за счет относительно обедневших землевладельцев и буржуа. Многие представители интеллигенции заняли привилегированные позиции в новых

государственных учреждениях, включая университеты и элитарные публичные школы. Само государство, однако, оставалось относительно слабым в сравнении с Советским Союзом или Германией; его не укрепил даже авторитарный переворот, произошедший в Польше в 1926 году. Но его интеллигенция по сути была в состоянии эффективно пользоваться государственными институтами как с тем, чтобы формировать идеологию страны, так и для того, чтобы обеспечить себе стабильное социальное положение и стабильные источники дохода. В структурном отношении верхний слой польской интеллигенции смог одолеть и слабую национальную буржуазию, и ту часть чиновничьей элиты, которая не имела интеллигентских корней.

В коммунистический период многие представители старой интеллигентской элиты лишились прежнего привилегированного положения, но зато их более молодые коллеги, придерживавшиеся левых взглядов, смогли продвинуться на самые высокие посты. Принципиально важно то, что идентичность коммунистической Польши, несмотря на всю ее эгалитаристскую и интернационалистскую идеологию, по-прежнему основывалась на ряде ключевых ценностей польской интеллигенции. Ее правящий класс, вопреки декларируемому презрению ко Второй республике и ее элите, сохранял верность базовым идеалам национальной интеллигенции и представлял себя в качестве «подлинной» и «патриотичной» интеллигентской элиты. Одновременно коммунисты уничтожили основных исторических оппонентов интеллигенции в лице землевладельцев и буржуазии. Со временем, по мере упадка коммунистической идеологии и нарастания зависимости страны от Советского Союза, представители интеллигенции отвернулись от коммунистической государственной элиты, которая, кстати, в отличие от советской номенклатуры, так и не сумела превратиться в самовоспроизводящийся общественный класс. Таким образом к моменту краха коммунизма ядро интеллигентской элиты открыто проповедовало антикоммунизм и сохраняло относительное единодушие в поддержке демократизации и так называемого «возвращения в Европу». Кроме того, в то время большая часть интеллигенции поддерживала радикальные экономические реформы и интеграцию с западными институтами. «Нормализация», имевшая место после 1989 года, как отмечалось выше, вполне могла рассматриваться как фатальный удар по национальной интеллигенции, поскольку Польшу считали идущей на Запад и усваивавшей его политические, культурные и экономические стандарты.

Из этого контекста, однако, зачастую выпадает то обстоятельство, что радикальные политические и экономические реформы в Польше не породили новую и сильную национальную буржуазию или какую-то иную новую элиту, которая потенциально могла бы бросить вызов интеллигенции и со временем

заменить ее. В данном отношении польская история значительно отличается от того пути, который в тот же период предпочла Россия. В то время, как в России после краткой фазы демократизации, где интеллигенция обладала относительным политическим влиянием и доступом к ключевым средствам массовой информации, начался процесс радикальной консолидации государственной власти, в Польше не наблюдалось ничего похожего. В 1993 году, на вторых полностью свободных и демократических выборах бывшая коммунистическая партия, переименованная в социал-демократическую, одержала победу и сформировала правительство. Сила этого кабинета, учитывая поддерживавшее его шаткое большинство, а также слабость польского государства и его экономики, была несоизмерима с могуществом, которое обрели российские политические руководители. Победителей ограничивало также и президентство Леха Валенсы.

Во время первого срока у власти бывшие коммунисты (они правили страной в 1993–1997 и 2001–2005 годах), добившиеся электорального успеха на волне разочарования в радикальных рыночных реформах начала 1990-х, попытались предпринять некоторые шаги, которые в отдаленной перспективе позволили бы им консолидировать власть. В частности, они стремились использовать свои полномочия для того, чтобы учредить публичные и частные экономические структуры, действующие на базе государственных активов. В определенной степени их действия, или по крайней мере намерения, были схожи со стратегией российской чиновничьей элиты, которой удалось установить контроль над ключевыми секторами экономики и создать группу так называемых «олигархов» – новую экономическую элиту, зависящую от политических патронов. Социолог Ядвига Станишкис, которая первой описала эту стратегию применительно к Польше, назвала ее «политическим капитализмом»^[6]. Однако бывшие польские коммунисты, располагавшие лишь ограниченной властью и опиравшиеся на весьма слабый государственный аппарат, не сумели эффективно реализовать этот курс. Более того, их шаги в указанном направлении встретили активное противодействие со стороны последующих правительств, сформированных бывшими антикоммунистическими силами при активном представительстве интеллигенции.

Ответная стратегия, нацеленная на предотвращение попыток конвертировать посткоммунистическую политическую власть в экономический капитал, основывалась на радикальной приватизации государственного имущества. Она осуществлялась с привлечением в первую очередь западных инвесторов, рассматриваемых в качестве стратегических заказчиков. Воплощение этого плана предполагало, что он не только помешает возникновению в Польше посткоммунистического «политического капитализма», но и ускорит модернизацию страны. В то же время приток западных денег был полезен для

польской экономики: с ним связывались перспективы получения зарубежных *know-how*, а также интеграция в политико-экономическую систему Запада, гарантирующие необратимость «бегства с Востока», то есть из российской зоны влияния.

Этот план был осуществлен довольно успешно, и, как видно теперь, большинство его интенций оказались правильными. С ним, однако, были связаны некоторые непредвиденные последствия, позже отразившиеся на судьбе польской интеллигенции. Одним из его итогов стало, в частности, то, что значительная часть польской экономики оказалась в руках иностранного, преимущественно западного, капитала. В наиболее прибыльных секторах, включая банковское дело и оптовую торговлю, доминировали глобальные компании, но при этом ни одна польская фирма так и не смогла трансформироваться в истинно международную корпорацию. За исключением двух–трех компаний, находящихся под контролем государства, в распоряжении поляков остался в основном малый и средний бизнес. Сказанное означает, что в обозримом будущем не стоит ожидать появления по-настоящему влиятельной польской буржуазии. В сущности, в отличие от России, интеллигенции в Польше не угрожают ни национальная буржуазия, ни мощная государственная элита. В то же время значительная часть интеллигентской элиты, которая сейчас работает в иностранных компаниях или на государственной службе, имеет более высокие доходы и более стабильную занятость, нежели есть у тех, кто владеет малыми фирмами или трудится в них. Таким образом, многие представители интеллигенции живут в относительном благополучии, не становясь ради этого бизнесменами: по крайней мере такой человек сохраняет свою интеллигентскую идентичность, не превращаясь в чистого капиталиста. Одним из оснований подобного положения вещей выступает присущее этим людям понимание, что их привилегии (включая высокооплачиваемые позиции в западных компаниях в Польше и за границей) зависят в основном от накопленного ими культурного и социального капитала, обеспечиваемого их интеллигентскими семейными и дружескими кругами. Одновременно упомянутые запасы культурного и социального капитала выступают их самым надежным ресурсом, который никуда не денется даже в случае экономических и политических потрясений, включая отток западных инвестиций, отнюдь не исключенный в этой части Европы.

Бинарная оппозиция

Именно здесь следует искать одно из объяснений того, почему, несмотря на явную «маркетизацию» польского общества, политика в Польше по-прежнему пронизана культурой. Причем следует отметить, что западные компании в

основном не вмешиваются в польскую культурную и политическую жизнь; по крайней мере они делают это не более настойчиво или открыто, нежели в других периферийных странах Европы, где эффекты культурной глобализации и осуществляемого Европейским союзом регулирования вполне зримы. Отказ западноевропейских акторов от прямого вмешательства в дела культуры и политики создает эффект устойчивой гегемонии интеллигенции, поскольку она играет ключевую роль как раз в этих сферах. Ее первенство не могут оспорить ни местная буржуазия, ни какая-то другая элитная группа, подобная, например, могучему российскому чиновничеству.

Доминирование интеллигенции поддерживается фундаментальной символической оппозицией, которую она смогла встроить в саму ткань польской гражданской идентичности. Речь идет о противопоставлении образованного, культурного, морально зрелого интеллигента, изображаемого в качестве идеального гражданина Польши, грубому, безграмотному, неотесанному «хаму» из крестьянской среды, не заслуживающему социального уважения. Интересно, что этот фундаментальный бинарный код польской гражданской культуры[7] был подхвачен интеллигенцией у ее поверженных оппонентов – землевладельцев и аристократов, до 1918 года остававшихся ключевыми силами польской властной системы и пользовавшихся привилегией носить титул «пан» в отличие от крестьян. В ходе событий, которые можно назвать «интеллигентской революцией 1918 года», наименование «пан» было подвергнуто демократизации: это универсальное повышение статуса предоставило всем гражданам Второй польской республики символические привилегии благородных сословий[8].

Впрочем, несмотря на идеал равноправия всех дворян, в старой Польше всегда существовал резкий контраст между богатейшими магнатами и бедным мелкопоместным дворянством. Аналогичным образом и во Второй республике (1918–1939), и в нынешней Польше сохраняется раскол между предположительно равными гражданами. Формальное равенство граждан может подрываться не только экономическим неравенством, но прежде всего сохраняющимся противопоставлением интеллигентской элиты, узаконивающей свое символическое доминирование в терминах морального и культурного превосходства, а также в отсылках к своему «благородному происхождению», массам или низшим классам, которым приписываются «крестьянские» и «варварские» характеристики. Следует подчеркнуть, что эта бинарная оппозиция есть не столько объективно существующее различие между двумя четко обособленными частями общества, сколько семантический инструмент, который применяется в разнообразных контекстах для того, чтобы легитимировать социальную иерархию. Порой он также используется во внутренних дебатах интеллигенции или крестьянства. Претендующие на превосходство фракции внутри этих групп автоматически

рассматривают себя в качестве носителей всех качеств интеллигенции и считают своих оппонентов «крестьянами» и «невеждами».

Работа описанного механизма хорошо просматривается в устройстве политической сцены современной Польши. Ее сегодняшняя конфигурация сложилась после того, как левые посткоммунисты, начиная с 2005 года и в особенности после парламентских выборов 2007-го, оказались вытесненными на обочину. Прологом к этому сдвигу послужило так называемое «дело Ривина», которое было связано с одной из последних попыток посткоммунистов консолидировать собственную власть в экономике и СМИ, используя для этого политическое влияние[9]. Сложный процесс закончился показательным поражением посткоммунистов, которые были серьезно скомпрометированы; закрепившийся за ними имидж коррумпированной политической группы открыл политическую арену для двух возглавляемых интеллигенцией партий – консерваторов и либералов.

«Дело Ривина» обнаруживало явные признаки конфронтации между элитами, основывающимися, с одной стороны, на культурном, а с другой стороны, на политическом капитале[10]. Посткоммунисты, часто ссылавшиеся на лозунги «защиты национальных интересов», имеющиеся в арсенале и российской руководящей элиты, сталкивались с интеллигентской элитой, которая постоянно подчеркивала их нравственную ущербность и нехватку основных качеств интеллигенции.

По сути сейчас вся польская политика сосредоточена на конфликте двух главных политических сил: либеральной партии «Гражданская платформа» (PO) и консервативной партии «Право и справедливость» (PiS). Эти партии расходятся в своем отношении к постоянно подразумеваемому, но, как правило, неназываемому напрямую западному доминированию над Польшей. Характерной особенностью конфликта между евроэнтузиастами из PO и евроскептиками из PiS выступает его «интеллигентский» характер: в отличие от того, как подобные темы обсуждают в Белоруссии или России, дебаты польских политиков обходят стороной вопросы возможных экономических или военных угроз Польше. В них редко упоминается и западное политическое вмешательство.

Разумеется, в центре конфронтации – вопросы культуры. Так, одной из ключевых тем идейного противоборства между PO и PiS выступает так называемая «историческая политика». Среди прочих сюжетов сюда входят вопросы о том, до какой степени в официальной истории Польши должна акцентироваться тема страданий поляков или польской вины (например, в контексте истории Холокоста). Другим аспектом полемики оказывается соотношение «поражений» и «побед» в польской истории. Польский интеллигентский нарратив тяготеет к подчеркиванию исторических поражений и мучений и концентрируется на неудачных восстаниях или

проигранных военных кампаниях. Важным элементом этого нарратива выступает мотив самопожертвования, на которое в ходе этих событий шла польская интеллигенция ради общего блага. Празднование годовщин, связанных с неудачными восстаниями и битвами, остается одним из ключевых механизмов, с помощью которых воспроизводится идентичность интеллигенции и образ присущей ей высокой нравственности.

Наилучшим образом данный тезис иллюстрирует история Музея Варшавского восстания 1944 года, учрежденного бывшим президентом Лехом Качиньским в его бытность мэром Варшавы[11]. Специфически подобранная композиция музея стала предметом жарких общественных дебатов. Либералы критиковали Качиньского за превознесение польской травмы и недостаточное отражение прагматических аспектов восстания, в частности, понесенных в ходе его осуществления человеческих и материальных потерь. В то же время само открытие такого музея рассматривалось как одно из главных достижений Качиньского на посту столичного мэра, которое позже облегчило его избрание на пост президента Польши. Так получилось из-за того, что даже либералы, нападавшие на Качиньского и его партию за национализм, фундаментализм и евроскептицизм, не могли отрицать, что им самим оказалось не под силу воздвигнуть монумент, который очень быстро стал центральным святилищем трагической истории польской интеллигенции. Эта дискуссия наряду с некоторыми другими обсуждениями показывает, что, несмотря на горячую и эмоциональную полемику между двумя главными политическими силами Польши, обе они единодушны в части нескольких важных предпосылок. Среди них – убежденность в руководящей роли польской интеллигенции, лучшими воплощениями которой обе партии себя считают, а также уверенность в заглавной роли культурных и интеллигентских ценностей в развитии страны. Экономические дебаты остаются для польской политики явлением второстепенным. Некоторые наблюдатели, например, Дэвид Ост, видят в этой тенденции «предательство» интересов рабочих интеллигентской элитой, которая накануне краха коммунизма шла к политической власти под лозунгом «солидарности» с низшими классами[12].

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на все жалобы в отношении кризиса интеллигенции в Польше, ее роль, вопреки значительным трансформациям, по-прежнему важна. В такой ситуации есть как позитивные, так и негативные моменты. Но, как бы то ни было, интеллигентский этос остается в фокусе польской гражданской культуры. С одной стороны, он наделяет интеллигенцию структурными привилегиями, которые далеко не все

считают заслуженными. С другой стороны, он обеспечивает поляков общепризнанным моральным кодом, который очень важен в ходе модернизации страны и поддержании нравственного порядка в беспокойные времена посткоммунистических преобразований.

Авторизованный перевод с английского Андрея Захарова

[1] Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, финансируемого Польским национальным научным центром (NCN), грант № UMO-2011/03/B/HS6/03971.

[2] См.: Gessen M. *Dead Again. The Russian Intelligentsia after Communism*. London; New York: Verso, 1997.

[3] См.: Kurczewska J. *The Polish Intelligentsia: Retiring from the Stage* // *The Polish Sociological Bulletin*. 1992. № 2. P. 149–158.

[4] См.: Gella A. *The Life and Death of the Old Polish Intelligentsia* // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. № 1. P. 1–27.

[5] См.: Domański H. *On the Verge of Convergence: Social Stratification in Eastern Europe*. Budapest: Central European University Press, 2000.

[6] Staniszkis J. *Political Capitalism in Poland* // *East European Politics and Societies*. 1991. № 5. P. 127–141.

[7] См.: Alexander J.C. *The Civil Sphere*. Oxford: Oxford University Press, 2006.

[8] Подробнее см.: Зарицкий Т., Смочиньский Р. *Интеллигентская революция на периферии Российской империи и ее современные последствия: землянское наследие в польской гражданской модели* // *Мир России. Социология. Этнология*. 2014. № 1. С. 115–136.

[9] Причиной скандала, взволновавшего польское общество в 2002–2004 годах, послужила попытка бизнесмена Льва Ривина, который якобы действовал от лица тогдашней власти, получить взятку от фирмы «Агора» за содействие в проталкивании выгодных для компании положений в закон о телевидении и радиовещании. Разговоры бизнесмена с его контрагентами были записаны на диктофон и впоследствии обнародованы одной из польских газет. В результате разгоревшегося скандала Ривин получил тюремный срок, а электоральная поддержка правящего Союза левых сил заметно снизилась. –Примеч. перев.

[10] Zarycki T. *The Power of the Intelligentsia. The Rywin Affair and the Challenge of Applying the Concept of Cultural Capital to Analyze Poland's Elites* // *Theory and Society*. 2009. Vol. 38. № 6. P. 613–648.

[11] Подробную информацию о музее можно найти на его сайте: www.1944.pl.

[12] См.: Ost D. *The Defeat of Solidarity. Anger and Politics in Postcommunist Europe*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005.